

И снова селекция, или Территории упущенных возможностей

На фоне промышленной зоны Баркан, 1992

Поселения. Всего одно слово, но израильтянам не надо объяснять, о чем идет речь. Неизвестная история и «скелеты в шкафах» поселенческого движения — в интервью с первым мэром города Ариэля в «оккупированной» Самарии Яковом Файтельсоном.

— Яков, как известно, еще въездные сертификаты в подмандатную Палестину распределялись в 1930-е по партийным квотам. Я уж не говорю о том, что во многие поселения уже тогда принимали по идеологическим критериям. Это существенно повлияло на облик страны?

— Безусловно, ведь вручив сертификат не активисту МАПАЙ или МАПАМ, а аполитичному сапожнику из Польши с 12-ю детьми, можно было кардинально изменить демографическую ситуацию в Эрец Исраэль. Но те, кто распределял эти сертификаты, искренне верили, что усилить ишув в состоянии лишь идейные сионисты.

В начале 1980-х, будучи мэром Ариэля, я слышал примерно те же доводы от активистов религиозно-поселенческого движения «Гуш Эмуним», которые собирались заселить новые поселки, прежде всего своими сторонниками.

Абсурд! Если Земля Израиля принадлежит Народу Израиля, то впустите этот народ — светских и традиционных, «румын» и «марокканцев», правых и центристов, а не проводите селекцию, будто Всевышний дал вам право решать, кто кошерен, а кто нет. Народ — это паззл, где каждый дополняет другого, и если бы лидеры поселенцев тогда это понимали, возможно,

сегодня в Иудее и Самарии жило бы гораздо больше, чем 350 тысяч евреев. Когда мои оппоненты приводили в пример поселение Эфрата, в которое принимались лишь люди с высшим образованием, я спрашивал: «А кто там в яслях моет попки младенцам? Профессора?»

— Но за поселенцами не могла не стоять определенная идеология. Для них это были освобожденные территории, для многих других израильтян — оккупированные...

— Это сегодня, а тогда, когда не кто иной, как Шимон Перес в пику Ицхаку Рабину поддержал «Гуш Эмуним», все виделось немного по-другому. Это был еще тот Перес, который говорил, что горы Иудеи и Самарии важнее, чем Голанские высоты, потому что с Голан видно Галилею, а из Иудеи и Самарии — Иерусалим и Тель-Авив. Не случайно многие из первых поселений были созданы именно при министре обороны Пересе.

— Это все из-за личной неприязни к старому сопернику Рабину (от которого Перес получил кличку «неутомимый интриган») или Перес, тогда считавшийся ястребом, и в самом деле им был?

— Шимон Перес — один из наиболее одаренных израильских политиков, но то, что говорили о нем премьер Моше Шарет («я разорву на себе одежды в знак траура по стране, если он ...займет кресло министра») и Голда Меир («самый опасный человек в силу своего оппортунизма»), — многое объясняет. Под началом Бен-Гуриона Перес в 1950-е стимулировал развитие авиационной и ядерной промышленности Израиля, и тот же Перес в 1980-е под давлением американцев свернул проект самолета «Лави» (только косвенные доходы от экспорта технологий которого должны были принести \$5 млрд в год). Когда его предупреждали, что это приведет к увольнению тысяч классных специалистов, Перес отвечал, что в годы его молодости профессора собирали помидоры.

Все зависело от того, кто определял повестку дня. Кстати, в годы романа с Францией одновременно с укреплением обороноспособности Перес прощупывал с французами альтернативу Израилю — во французском Суринаме. Так он

оценивал шансы Израиля — в отличие от стариков, которые создали государство вопреки всему.

То же самое верно и в отношении поселенческого движения — тогда Перес был еще очень близок к партии РАФИ (куда он в свое время ушел вслед за Бен-Гурионом) и Моше Даяну. Поэтому его поддержка «Гуш Эмуним» определялась, во-первых, идеологией, которой придерживались и Старик (Бен-Гурион, — М.Г.), и Моше Даян, причем, надо учесть, что Перес шел даже не вторым за Бен-Гурионом в списке наследников, а третьим — после Даяна и Игала Аллона — они были крупными фигурами, а он исполнителем. При этом и Даян, и Аллон видели будущие границы Израиля не совсем так, как видел их Бен-Гурион, который после Шестидневной войны считал, что удержать надо только Иерусалим и Хеврон. По плану Аллона сектор Газа, Иудея с Хевроном, долина Иордана и горные хребты Самарии должны были остаться под контролем Израиля. Даян придерживался еще более радикальных взглядов, планируя оставить все контролируемые территории под израильским управлением. Напомню, мы говорим о лидерах МААРАХ — тогдашней Партии труда. И именно правительство МААРАХ приняло решение о создании 12 городов по хребту Иудеи и Самарии — по 50-60 тыс. населения в каждом. В этом вопросе между умеренно левыми и умеренно правыми не было принципиальных разногласий.

— А как восприняли новые реалии политики, расположившиеся на явно левом фланге политического спектра?

— Раскололись буквально на наших глазах. Один из лидеров рабочего и киббуцного движения Ицхак Табенкин начал создавать *Движение за неделимый Израиль*, поскольку это соответствовало линии лево-социалистической партии МАПАМ в период создания государства. В какой-то степени эти люди находились под влиянием советской идеологии не только с точки зрения марксистского мировоззрения. Для них советская модель служила примером во всех отношениях, в том числе и в вопросе установления границ, — у них не было сомнений в правомочности владения СССР Карелией, Кенигсбергом или отдельными территориями Румынии, Польши и Чехословакии, как и в праве Польши на аннексию Нижней Силезии, Померании и Восточного Бранденбурга.

Таким образом, *Движение за неделимый Израиль* возникло как объединение

учеников Жаботинского, с одной стороны, и учеников Бен-Гуриона, с другой. Среди ее основателей был «политрук Пальмаха» Бени Маршак, вдова второго президента Израиля Рахель Бен Цви, один из командиров ЛЕХИ Исраэль Эльдад, Геула Коэн, герой восстания в Варшавском гетто Ицхак (Анте́к) Цукерман, бывший легендарный глава Моссада Исраэль Харэль, такие писатели и поэты, как лауреат Нобелевской премии Шай Агнон, Натан Альтерман, Хаим Гури, Моше Шамир, Ури Цви Гринберг, Ицхак Шалев, и многие другие. Впервые люди преодолели идеологические границы, чтобы объединиться вокруг общей для них ценности — Страны Израиля.

С другой стороны, часть левых сионистов резко свернула еще влево, вплотную приблизившись к позициям компартии РАКАХ во главе с Меиром Вильнером.

— Если политический центр, в общем и целом, поддерживал поселенческое движение, почему же его достижения столь скромны? Еще в 1977-м лидеры «Гуш Эмуним» представили премьер-министру Бегину двадцатипятилетний поселенческий план, согласно которому к концу XX в. еврейское население Иудеи (включая Иерусалим) и Самарии должно было составить миллион человек. Встречный план Ариэля Шарона предполагал, что еврейское население территорий достигнет двух миллионов. Государственная поддержка, налоговые льготы, целевое финансирование — все это не помогло даже приблизиться к этим показателям. Почему?

— Осуществить эти планы помешали ограниченные ресурсы и не гибкий государственный подход. Когда в 1981 году я представил тогдашнему заместителю министра финансов Хаиму Кауфману план строительства Ариэля как центрального города Самарии, он долго объяснял мне, что правительство должно заботиться о строительстве квартир и для молодых пар, и для новых репатриантов, и для поселенцев. На все это нет денег, заключил он. То, что именно в новых поселениях можно объединить существующие ресурсы для строительства квартир для всех трех категорий населения одновременно, ему не пришло в голову. К счастью, премьер-министр Бегин отреагировал иначе и дал письменное указание министру строительства Давиду Леви оказать помощь в развитии Ариэля. Однако, поскольку во всех министерствах сидели чиновники, оставшиеся от прошлой власти, они не торопились утверждать планы строительства, считая судьбу территорий сомнительной.

Вторая причина — политика руководства поселенческого движения, о которой я уже говорил. Сложилась странная ситуация. Планы строительства широко рекламировались, а ярмарки, где предлагалось записываться в новые поселения, посещали ежедневно десятки тысяч людей. Казалось, что мы стоим перед массовым исходом жителей из перенаселенного Гуш Дана — всем очень нравилось «жить на природе, но с городским комфортом». Однако вскоре выяснилось, что в каждом поселении необходимо пройти отборочную комиссию и число принятых семей ограничивается ежегодной квотой. Я был первым, кто отменил такую комиссию в Ариэле и стал проводить агрессивную политику развития города. В то же время большая часть поселков, придерживавшихся концепции «маленького и симпатичного общинного поселения», развивалась чрезвычайно медленно.

— Когда значительная часть израильтян стала воспринимать присутствие в Иудее и Самарии именно как оккупацию, и что послужило тому причиной? Ведь поселенцы не изгоняли палестинцев из своих деревень, а просто создавали свои. Возможно, они вели себя как колонизаторы в духе американских ковбоев, отнимая лучшие пастбища и оливковые рощи? В чем их отличие от халуцим начала прошлого века? Возможно, в том, что они использовали арабский труд, что для пионеров второй и третьей алии было неприемлемо? Когда и почему поселенчество стало в глазах многих колониальным проектом, развращающим общество?

— Мы имеем дело с парадоксом. Результаты выборов в Кнессет каждый раз демонстрируют, что большинство израильтян осознали провал «эксперимента» по достижению мира с помощью территориальных уступок, навязанного группой Переса — Бейлина. И в то же время ведущие СМИ создают впечатление, что общественное мнение настроено против поселенцев и по-прежнему поддерживает провалившуюся политику «мира сегодня».

Что же касается новых поселений, то они создавались под увеличительным стеклом юристов, следивших, чтобы для этой цели отводились исключительно государственные земли, статус которых был определен еще во времена оттоманской империи и британского мандата. Гора, на которой был построен Ариэль, имеет характерное арабское название: Джабель Мат (Мертвая гора). Наличие оливковых деревьев автоматически определяло юридический статус земли, на которой они росли, — арабские территории не подлежали «еврейской» застройке. Разрешалось использование земель, официально выкупленных у арабов, но это, как правило, сопровождалось длительной бюрократической процедурой.

Для сравнения, многие киббуцы были созданы на землях, принадлежавших так называемым «отсутствующим владельцам», т. е. арабским беженцам. Да и Тель-Авивский университет, один из оплотов левых кругов в Израиле, построен на месте деревни под названием... Шейх-Мунис.

Для абсолютного большинства израильтян, включая и многих умеренно левых, поселенческое движение — отнюдь не колонизаторский проект. Два

тысячелетия евреи мечтали о возвращении в Землю Израиля, поэтому даже лидеры «лагеря мира» всегда заявляют, что они «с болью в сердце» готовы пойти на территориальные уступки — исключительно «ради сохранения еврейского и демократического облика государства Израиль».

С тем, что иудеи не имеют права селиться в Иудее и Самарии, согласны лишь те, кто полностью свободен от каких-либо национальных сантиментов — с одной стороны, и крайние ортодоксы, убежденные в том, что только с приходом Мессии евреи получают право на воссоздание еврейского государства — с другой. И те, и другие готовы сотрудничать с врагом, чтобы доказать свою правоту. К сожалению, и это не ново в нашей истории. Не так давно некоторые евреи «с болью в сердце» составляли в юденратах списки соплеменников на депортацию, оправдываясь тем, что благодаря сотрудничеству с нацистами спасут хотя бы часть народа (т.е. себя и своих близких). Перефразируя Черчилля, можно сказать, что еврейский миротворец — это тот, кто думает, что, скармливая арабскому крокодилу своих собратьев — жителей Иудеи и Самарии, — избежит попадания на обед к этому крокодилу. Опыт юденратов показал, что эта очередь лишь отодвигается...

Что касается использования арабского труда, то арабы действительно работают в еврейских поселениях. Так же, как, наряду с китайцами, молдаванами и израильтянами, они работают на стройках многих израильских городов. В еврейских поселениях Газы были заняты 14 тысяч местных арабов. В один не прекрасный день, после размежевания, они стали безработными.

Кстати, попытка организовать во Франции бойкот израильской фирмы «Содастрим», расположенной в Маале-Адумим, вызвала протесты арабов, работающих на этом предприятии, а попытки властей ПА заставить палестинцев не работать в еврейских поселениях полностью провалились.

— Как воспринимали палестинцы еврейских поселенцев в 1980-е? Глухо ненавидели? Боялись? Рассматривали как временное зло, мол, крестоносцы ушли, и эти уйдут? Когда ситуация стала меняться — с взрослением второго поколения палестинцев, выросших под израильской властью?

— Каждую субботу соседний с Ариэлем арабский городок Сальфит был с утра

пораньше заполнен жителями Ариэля, завтракавшими отменным фалафелем, хумусом и питами местного производства и покупавшими овощи и фрукты в местных лавках. К ним присоединялись израильтяне из Петах-Тиквы и Рош а-Аина. Многие, и я в том числе, ездили в Шхем, где в местных гаражах профилактика авто стоила значительно дешевле, чем в Петах-Тикве. Израильтяне из центра страны лечили зубы у стоматологов Калькилии и Туль-Карема.

Помню выступление мэра Калькилии на открытии текстильной фабрики в Карней Шомрон — это было в середине 1980-х. Он говорил о важности добрососедского сотрудничества на примере нового предприятия, которое даст возможность улучшить благосостояние жителей и его города.

Я не раз бывал в гостях у мэров арабских сел и городов по соседству с Ариэлем. В начале 1985-го, когда я добился разрешения на строительство родильного дома в Ариэле, старейшины Сальфита предложили построить этот госпиталь на их земле, дабы он обслуживал и арабское население.

А что сегодня? Согласно опросам палестинских университетов Бир Зейт и ан-Наджах (созданных, кстати, во время израильского правления), 44% арабской молодежи не видит своего будущего в Палестинской автономии и хочет эмигрировать за границу.

— Какие ошибки были допущены в развитии поселенческого движения? Эзер Вейцман, например, предлагал построить 6 крупных городов в районах с наименьшей плотностью арабского населения. «Гуш Эмуним» планировал два крупных города — под Шхемом и возле Хеврона (Кирьят-Арба). Возможно, это был оптимальный путь, сочетавший идеологию и прагматизм? Я имею в виду, что гораздо больше желающих жить в городе, где есть школы, больницы и супермаркеты, чем в поселении на 70 семей, где из «объектов инфраструктуры» — лишь автобусная остановка...

— Помню, как на одном из совещаний правления Совета поселений Иудеи, Самарии и Газы в 1984 году один из основателей «Гуш Эмуним» Бени Кацвер говорил о достижениях поселенческого движения, с гордостью демонстрируя карту, мол, смотрите, сколько колышков мы сумели на ней забить! Я в очередной раз напомнил о проблеме селекции кандидатов, подчеркнув, что

если из-за установленных поселенцами же ограничений их поселки останутся лишь колышками, то их будет намного легче выдернуть из земли и карты Израиля, чем туда забить. Альтернативой я видел укрупнение поселений, в особенности создание крупных городов в стратегически важных точках. Я даже подготовил план, реализация которого могла в кратчайшие сроки увеличить численность еврейских жителей Самарии с 10 000 до почти 100 000 человек. Однако правление районного Совета даже не сочло нужным его обсудить. Прошло почти 30 лет, и в 2012 году население Самарии составило 29 400 человек...

Беседовал Михаил Гольд